

ВОСПРИЯТИЕ МЫСЛЕЙ И. С. ТУРГЕНЕВА В КИТАЕ

The Perception of Turgenev's Thoughts in China

Цзинь Мэйлин

meelyong333@163.com

Китайский народный университет (Пекин, Китай)

Jin Meiling

meelyong333@163.com

Renmin University of China (Beijing, China)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 30.01.2020

Fecha de evaluación: 27.11.2020

Cuadernos de Rusística Española n° 16 (2020), 147 - 157

РЕЗЮМЕ

В течение длительного времени социальная и идеологическая ценность творчества Тургенева имела большое значение в Китае. Расцвет восприятия Тургенева-мыслителя в первой половине XX века объясняется главным образом тем, что поднятые в его произведениях темы совпали с социальными реалиями и потребностями китайской интеллигенции на данном этапе исторического развития страны. Наибольший интерес в Китае вызвали образы Рудина и Базарова, которым посвящено множество противоречивых исследований. С 1980-х годов китайские исследователи постепенно начали рассматривать идеи Тургенева с более объективной и углубленной перспективы. В этот период появляются новые интерпретации общественно-политических, философских и религиозных идей писателя. Можно сказать, что в настоящий момент изучение идей Тургенева в Китае начало приближаться к сущности творчества писателя и открылось для разнообразных интерпретаций, однако вместе с тем наблюдаются некоторые проблемы.

Ключевые слова: Тургенев в Китае, критический обзор, особенность.

ABSTRACT

For a long time, the social significance of Turgenev's work was of high value in China. The flourishing perception of Turgenev-the-thinker in the first half of the 20th century is mainly due to the fact that the themes raised in his works coincided with the social realities and needs of the Chinese intelligentsia at this stage of the historical development of the country. The images of Rudin and Bazarov, to which many controversial studies are devoted, aroused the greatest interest in China. Since the 1980s, Chinese researchers have gradually begun to consider Turgenev's ideas from a more objective and in-depth perspective. During this period, new interpretations of the writer's social, political, philosophical and religious ideas appear. It can be said that at the moment the study of Turgenev's ideas in China is consistently approaching the essence and open to a variety of interpretations, but at the same time, there are some problems.

Keywords: Turgenev in China, critical review, feature.

Восприятие Тургенева-мыслителя китайскими учеными прошло извилистый путь расцвета, упадка и нового подъема, который соответствует духу этапов исторического развития Китая. Ранний период восприятия творчества Тургенева характеризовался признанием китайской интеллигенцией общественного и идеологического значения

произведений писателя и определялся требованиями социальных перемен в китайском обществе. На данном этапе не умолкали дискуссии об идеологических позициях романов «Рудин» и «Отцы и дети». В первые десятилетия после основания Китайской Народной Республики политическая ситуация в Китае оставалась нестабильной, в связи с чем вплоть до конца Культурной революции исследования творчества Тургенева фактически были прерваны. Лишь после начала политики реформ и открытости в 1978 году в освободившейся от жестких идеологических ограничений академической среде интерпретация творчества Тургенева-мыслителя приобрела новые мнения и достигла новых глубин.

РАННИЙ ПЕРИОД И РАСЦВЕТ ВОСПРИЯТИЯ ТУРГЕНЕВА: ПОТРЕБНОСТЬ ВРЕМЕНИ И НУЖДЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Тургенев был впервые принят китайцами как мыслитель. Когда литературные произведения писателя еще не были переведены, китайская интеллигенция уже познакомила читателей с общественными идеями Тургенева. В ноябре 1903 года Лян Цичао¹ в 40-м и 41-м выпусках газеты «Синьминь Цунбао» опубликовал статью «О русских нигилистических партиях», в которой упоминались Тургенев и его «Записки охотника». В данной статье оценка литературной ценности тургеневского творчества не являлась главной целью автора, значительно больше его интересовало значение «Записок охотника» в истории развития русского общества и политической мысли. Как отметил автор книги «Тургенев и Китай» Сунь Найсю, «данное значение творчества Тургенева фактически общепринято и признается всеми китайцами, знакомыми с его творчеством» (Сунь Найсю 1988:97). В 1907 году в газете «Тяньи» была опубликована статья «О русской революции и нигилизме». Данная статья являлась сокращенным переводом книги Кропоткина «Записки революционера», переведенной Чжоу Цзожэнь². В послесловии к этой статье Чжоу Цзожэнь выразил положительную оценку нигилистическим идеям Базарова, отметив, что «корнями нигилизма является материализм, а ветвями — философия... Нигилизм полезен для исправления недостатков китайского общества» (Сунь Найсю 1988: 97).

Тургенев-мыслитель также оказался популярен в Китае во время Движения за новую культуру, последовавшего за Движением 4 мая³ в 1919 году. В этот период китайскую интеллигенцию особенно остро волновали вопросы освобождения человека, личного достоинства и социального прогресса, большое распространение получили идеи западного гуманизма. На фоне этого русская литература была высоко оценена китайской интеллигенцией, переводы произведений Тургенева стали особенно

1. Лян Цичао (1873–1929) — китайский политик, литератор, государственный и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения («Сто дней реформ») в Китае конца XIX – начала XX века.
2. Чжоу Цзожэнь (1885–1967) — китайский писатель и публицист, брат известного писателя Лу Синя.
3. Движение 4 мая – массовое антиимпериалистическое студенческое движение в Китае в мае-июне 1919 года против решения Версальской конференции передать Японии китайскую провинцию Шаньдун.

популярны, исследования творчества писателя, отвечавшего потребностям времени, получили толчок к развитию. Произведения Тургенева с присущими им реализмом, глубоким духом гуманизма, сильным этическим чувством и восторженными социальными идеалами вызвали глубокий резонанс у китайской интеллигенции, столкнувшейся с вопросами и социальными реалиями, которые были отражены в произведениях Тургенева. В частности, в сборнике «Записки охотника» Тургенев с заботой о судьбе родины и русского народа описывает трагическую и «холодную» социальную реальность российской жизни. В рассказе «Муму» с сочувствием и состраданием изображаются страдания и несчастная судьба «маленького человека». В романах «Дворянское гнездо» и «Дым», а также в повести «Вешние воды» посредством слабого характера героя описывается конфликт между душой и телом человека. В романах «Накануне» и «Отцы и дети», создав новые литературные образы, Тургенев выражает озабоченность судьбой и будущим родины.

Тянь Хань⁴ в своей работе «Взгляд на русское литературное направление» (1919) высоко оценил общественную и практическую значимость произведений Тургенева, уделив особое внимание «Запискам охотника» с поднятой в них темой освобождения от крепостного права и роману «Отцы и дети», обращающемуся к проблеме конфликта двух поколений и другим социальным вызовам. Его оценка явно фокусируется на общественной и практической значимостях работ Тургенева и намекает на то, что тургеневские произведения должны сыграть «справочную» роль в решении актуальных проблем китайского общества. Современник Тянь Ханя исследователь Гэн Цзичжи⁵ придал большое значение содержанию шести романов Тургенева, воплотивших тесную связь литературы с обществом и жизнью, и выразил надежду, что эти произведения окажут положительное влияние на китайское общество. Он высоко оценил роман «Накануне»: «Этот роман действительно стал толчком к действию для российской молодежи, которая, прочитав его, поняла, что ее ответственность заключается не в пустых словах, а в практической работе по реализации социальной трансформации. Под влиянием Инсарова и Елены многие юноши и девушки в России, стремясь к свободе и освобождению, присоединились к различным народным движениям в целях содействия социальной реформе. Это свидетельствует о тесной связи литературы и общества, литературы и жизни» (Сунь Найсю 1988: 105). Следует отметить, что практический эффект данного произведения Тургенева был несколько преувеличен.

Также интересно написанное Чжэн Чжэньдо⁶ предисловие к китайскому переводу «Отцов и детей» (перевод Гэн Цзичжи, 1922), в котором литературовед сравнил проблемы конфликта между отцами и детьми в России и в Китае. Чжэн Чжэньдо с сожалением констатировал, что в Китае отсутствует дискуссия между старым и новым поколениями: «Китай также переживает то время, когда

4. Тянь Хань (1898–1968) — китайский драматург, театральный деятель, композитор, переводчик и поэт.

5. Гэн Цзичжи (1898–1947) — китайский литератор, наиболее заметая фигура среди китайских переводчиков русской и советской литературы.

6. Чжэн Чжэньдо (1898–1958) — китайский литературовед, писатель, общественный деятель.

происходит борьба между старым и новым поколениями, и у нас также найдутся идеи нигилизма...». Сравнивая тургеневских героев с китайскими литературными персонажами, исследователь писал, что «у китайского Павла Петровича не только нет мужества для дуэли, но даже мысли о споре не существует в его голове. Когда он чем-то недоволен, он лишь критикует молодых людей, но никогда не вступает с ними в спор...» (Сунь Найсю 1988: 107-108). Цюй Цюбо⁷ в статье «Русская литература до Октябрьской революции» впервые обратился к проблеме «лишнего человека» в творчестве Тургенева, глубоко проанализировав социальные основы и исторические предпосылки, которые породили этот уникальный литературный образ в России. Он выразил несогласие с негативным отношением некоторых российских исследователей к этому образу и рассмотрел его как феномен определенного этапа общественного развития.

Расцвет восприятия Тургенева-мыслителя в этот период в Китае объяснялся главным образом тем, что его произведения совпали с социальными реалиями и потребностям китайской интеллигенции на данном этапе исторического развития страны. Кроме того, по сравнению с проповедническими тенденциями в произведениях Толстого и Достоевского, высокая эстетичность и лирический колорит произведений Тургенева, характерные для восточной литературной традиции, сделали произведения Тургенева более доступными для восприятия китайскими читателями.

НЕПРЕРЫВНЫЕ ДИСКУССИИ: «РУДИН» И «ОТЦЫ И ДЕТИ»

С момента представления творчества Тургенева китайской общественности некоторые персонажи произведений Тургенева оказывали на китайскую интеллигенцию широкое общественно-политическое влияние. При этом кто-то считал их эталоном, кто-то негативно относился к их мировоззренческой позиции. Наибольший интерес в Китае вызвали образы Рудина и Базарова, о которых было написано множество противоречивых статей.

Следует отметить, что Рудин когда-то стал «общим наименованием» китайской интеллигенции и вызвал широкую дискуссию о ее миссии, которая имела широкий общественный резонанс. Еще в 1928 году Чжао Цзиншен в предисловии к китайскому переводу «Рудина» напомнил о характере китайской интеллигенции: «Друзья, боюсь, что мы с вами тоже более или менее похожи на Рудина. Рудин — не герой прошлого. Это, вероятно, отражение общей ситуации современного Китая» (Сунь Найсю 1988: 114). Если вышеупомянутая оценка Рудина достаточно нейтральна, то некоторые литературоведы использовали данного персонажа для выражения критики в адрес китайской интеллигенции или же отмечали социальную полезность данного персонажа. В частности, в 1945 году в статье «О болезненности китайской интеллигенции. Сравнение с Обломовым и Рудиным» Лу Хун, анализируя Рудина и другие литературные образы русской классики, отметил слабость китайской

7. Цюй Цюбо (1899–1935) — китайский публицист, прозаик и литературный критик, общественный деятель.

интеллигенции. По мнению автора, Рудин является «гигантом речи, карликом действия», китайская интеллигенция не должна следовать его примеру, должна преодолеть душевную болезнь Рудина и «стать Инсаровым, который терпит все страдания и стремится к собственному идеалу» (Сунь Найсю 1988: 128). Напротив, Ван Сиянь в статье «О Рудине» (1948) высоко оценил позитивную общественную значимость и историческую ценность образа Рудина. Автор считает, что значение дурака Рудина гораздо больше, чем умного Лежнева (Сунь Найсю 1988: 138). Следует отметить, что в данной статье также впервые были предложены типы Дон Кихота и Гамлета для сравнения образов.

С 1980-х годов изучение образа Рудина стало сосредоточиваться на вопросе, является ли Рудин «лишним человеком». Некоторые исследователи считали его примером «лишнего человека», апеллируя к слабостям характера Рудина. Другие литературоведы отмечали, что образ Рудина нуждается в новой интерпретации и не может быть упрощенно позиционирован как «лишний человек». Эксперт по исследованию Тургенева Чжу Сианьшэн в своей монографии о творчестве писателя назвал Рудина «просветителем» (Чжу Сианьшэн 1999: 119). Также существует мнение о том, что роман «Рудин» содержит в себе все литературные элементы идеологического текста эпохи Просвещения. В частности, Тургенев использует множество диалогов между персонажами, не боясь нарушить баланс повествования и структуры романа. Дуань Хуайцин отмечает: «Рудин овладел набором большой дискурсивной системы. Сама система или попытка овладеть ею – это то, к чему изо всех сил стремятся просветители. Стремление к дискурсу является самой большой страстью их жизни» (Дуань Хуайцин 2008: 58). В то же время некоторые литературоведы развернули дискуссию о китайском понимании концепции «лишнего человека» — «гиганта речи, карлика действия», борющегося между новым и старым в период идеологических перемен, отмечая, что данное определение неверно. В рамках данной дискуссии концепция «лишнего человека» также стала рассматриваться с религиозной точки зрения. Ван Юйбао отмечал: «Старых домов нравственности и идеалов больше не существует. Перед лицом пустого храма они не могут скрыть свою внутреннюю тревогу и страх. Поиск смысла существования становится для них невыносимым жизненным импульсом» (Ван Юйбао 2009: 103).

На наш взгляд, при обсуждении образа Рудина не следует ограничиваться термином «лишний человек», мы считаем, что данный персонаж требует многостороннего анализа. В статье «Достижение и разъяснение тайны: переосмысление образа Рудина» Фан Пина отмечается, что суть этого образа заключается в разделении рациональных и эмоциональных действий. По мнению автора, философская коннотация, содержащаяся в романе «Рудин», может найти свое начало в философии Канта. Отрицание рационализма и скептицизма, которое мы можем увидеть в данном романе Тургенева, во многом совпадает с философией Канта (Фан Пин 2007: 116).

Еще одно произведение, которое в этот период привлекло широкое внимание и вызвало множество дискуссий — роман «Отцы и дети». Статья Чжун Чжаолина «Что такое нигилизм?» (1930) подробно проанализировала нигилистические идеи Базарова: «Нигилизм — это социальная философия, основанная на естественных науках, следующая духу критики, отрицающая авторитет и устремляющаяся к новому смыслу жизни». Автор статьи определил пять важных характеристик нигилизма: (1)

бесстрашие духа; (2) индивидуализм; (3) прагматизм; (4) непредвзятое отношение; (5) секуляризм. Он отметил, что значение нигилизма отличается от значения буддизма и имеет историческую связь с анархизмом. Автор статьи положительно оценил значение романа, указав, что «нигилизм чрезвычайно важен и ценен для оценки смысла жизни» (Сунь Найсю 1988: 117).

В отличие от Чжун Чжаолина, автор статьи «“Отцы и дети” и его автор» (1948) Лин Хай выступил с критикой романа. По его мнению, Тургенев «посмеялся» над борьбой между поколениями, исказил ситуацию и недооценил силы обеих сторон конфликта. Три месяца спустя это мнение было опровергнуто в статье «“Отцы и дети” Тургенева». По мнению автора Чан Фэна, принадлежащий к поколению отцов Тургенев полон теплых чувств к поколению детей и видит в них свои нереализованные мечты. Автор статьи рассмотрел роман с более глубокого и широкого ракурса и выдвинул предположение, что роман «Отцы и дети», обращающийся к проблеме борьбы между отцами и детьми в период крупных общественных перемен, будет иметь вечный смысл.

В конце 1970-х годов среди китайских исследователей также существовало мнение, что образ Базарова не соответствует истинному образу русской интеллигенции 1850-60-х годов, а судьба героя потому заканчивается трагично, что мировоззренческая позиция Тургенева была неприменима к общественным реалиям России XIX века, и писатель не смог найти иного выхода для своего героя. Не соглашаясь с этим мнением, Ху Бин отметил, что судьба Базарова потому заканчивается трагично, что герой «так и не нашел в себе сил служить идеям революции» (Ху Бин 1979: 76).

В начале XXI века появилась новая интерпретация романа. В статье Чжан Чжунфэна «О культурном идеализме Тургенева» отмечается, что трагедия Базарова имеет более глубокие идеологические причины: отсутствие в России гуманистического просвещения в западноевропейском понимании. Гуманизм русской интеллигенции — это не индивидуализм, а скорее христианское милосердие и сочувствие, в котором исконно отсутствует понятие свободы личности, поэтому, по мнению автора, истинная причина трагедии Базарова заключалась в ограниченности культуры простого народа. В статье утверждается, что воплощением культурного идеала Тургенева является Аркадий Кирсанов: «Аркадий, как образованный и занимающийся наукой человек, не только может воплотить экономический прогресс — стать предпринимателем или капиталистом дворянского происхождения, но и нести политический прогресс — он является идеальным человеком для проведения постепенных реформ в России» (Чжан Чжунфэн 2001: 60).

Надо сказать, что понимание китайскими исследователями образов Рудина и Базарова совпадает с российскими и европейскими исследователями в анализе героев с позиции общих проблем человечества, однако также рассматривает двух персонажей с позиции, обусловленной особенностями китайской истории и культуры, что дополняет и обогащает интерпретацию двух тургеневских героев.

МНОГОСТОРОННЯЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НОВОГО ПЕРИОДА: К СУТИ ИДЕЙ ПИСАТЕЛЯ

После начала политики реформ и открытости в Китае в 1978 году китайские исследователи в освободившейся от жестких идеологических ограничений и более открытой для новых подходов академической среде осознали, что необходимо учитывать исторический период творчества автора, его личность и идеи. Впервые об этом было сказано в статье Чжу Сианьшэна «Время и личность: понимание и переосмысление творчества Тургенева» (1985). Обращаясь к вопросу о том, как оценивать наследие Тургенева, автор статьи отметил, что анализ творчества писателя должен выходить за рамки революционно-демократической литературной критики и западноевропейской трактовки человеческой природы и подчеркнул важность принятия во внимание таких факторов, как период творчества, личность писателя и его идеи. В результате данной перемены в подходе к анализу, в Китае появилось множество более объективных и глубоких исследований творчества Тургенева.

Большой интерес вызвала трактовка Тургенева-мыслителя с идеологической точки зрения. Так, в статье Линь Цзиньхуа «Образ разночинцев в творчестве Тургенева» говорится, что глубокая философская грамотность и чувство гражданской ответственности Тургенева дали писателю уникальное понимание передовых идей западной культуры и феномена разночинцев. Осознавая большое значение передовых идей Запада для России второй половины XIX века и для будущего страны, Тургенев с глубоким реализмом создал яркие образы различных представителей ранней русской интеллигенции, отразив в них изменения настроений части русского общества и выразив собственное мнение относительно той роли, которую должна сыграть интеллигенция в будущем России, что вызвало в то время широкий общественный резонанс. Линь Цзиньхуа отмечал, что творчество Тургенева «не только вдохновляет на обсуждение вопроса, какой идеологический выбор должна сделать отсталая от модернизации Россия, но и имеет особое значение в понимании как ценности, так и негативных последствий западного рационализма и сциентизма в современном мире, переосмыслении проблемы широкого распространения радикализма в отсталых от модернизации странах, и особенно ценно для понимания роли, которую должна сыграть интеллигенция в происходящих процессах» (Линь, Цзиньхуа 1997:106).

Также появился ряд исследований, посвященных религиозным идеям писателя. Статья «Религиозная интерпретация Тургенева» (2007) открывает новую перспективу для изучения религиозных факторов в творчестве писателя: бессознательное принятие восточного буддизма в описании пейзажа, косвенное признание и применение китайского даосизма в описании любви, сознательное принятие христианства в изображении персонажей и в художественном выражении (Ван Лиэ 2007: 45). Статья Ван Чжигэна «Христианская тематика романов Тургенева» (2017) анализирует такие христианские темы в произведениях Тургенева, как скитание и запреты. Автор статьи отмечает, что скитание является идеальной формой праведной жизни для православных христиан, способом вырваться из светских оков, а запреты служат барьером для ведения светского образа жизни и являются основой скитания. Поддерживающий идею скитания Тургенев создал героя-скитальца Рудина, проповедующего духовный

аскетизм и не стремящегося к светским достижениям. Ван Лие считает, что именно в этом заключается вложенное Тургеневым христианское значение персонажа Рудина, в то время как трактовка Рудина как «лишнего человека» неверна.

Также постепенно увеличивается изучение философских и политических воззрений Тургенева с точки зрения пессимизма, пантеизма и западничества, уделяется внимание понятию любви в творчестве писателя, а также его особому отношению к природе. Большое значение имеет вышедшая в 2012 году монография по философской мысли Тургенева «Философская мысль и литературное творчество Тургенева», в которой всесторонне изучается философия Тургенева, включая представления писателя об идеализме, материализме, пессимизме, пантеизме, а также его отношение к любви и природе. Исследователь У Цзяю считает, что философия Тургенева отличается от немецкой философской школы, его не интересует сама теория философии. Он использует философские и литературные средства для выражения своих мыслей и решения социальных, политических, экзистенциальных и других проблем. По мнению автора статьи, определять Тургенева только как материалиста или идеалиста было бы неточно. Различные философские элементы в творчестве писателя смешаны в единую идеологию, которая представляет собой целостную систему мировоззрения, в которой есть гармония и противоречия, развитие и изменения (У Цзяю 2012:3). На наш взгляд, данная статья является идеологическим диалогом между У Цзяю и Тургеневым-мыслителем, в который автор статьи, опираясь на собственный опыт выживания как представителя китайской интеллигенции, вписывает различные исторические контексты. Можно сказать, что данная работа имеет высокую степень новаторства среди исследований Тургенева-мыслителя.

Также нельзя оставить без внимания развернувшуюся после 1980-х годов дискуссию, которую вызвала статья «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенева. Известный литературовед Китая Цзянь Лицюйнь в работе, посвященной анализу данной статьи Тургенева, указал, что такие образы интеллигенции, как Рудин, Лаврецкий, Инсаров, Базаров и Нежданов, являются духовными братьями принца Дании и рыцаря Испании. Автор также отметил, что истинными представителями духа Дон Кихота являются женские образы Тургенева (Цзянь Лицунь 1993: 9-10). В 12-томном собрании сочинений Тургенева, изданном в Китае в 1994 году, 11-й том представляет собой сборник очерков и воспоминаний писателя. В предисловии к этому тому, знаменитый русист Чэнь Шэнь указал, что, придав двум классическим литературным образам Гамлета и Дон Кихота новый смысл, а именно сравнил Гамлета с «лишним человеком», а Дон Кихота — с революционным демократом, Тургенев хотел переосмыслить актуальные проблемы России той эпохи. Чэнь Шэнь считает, что Тургенев рассматривал Гамлета и Дон Кихота как два репрезентативных образа, характеры которых могут совмещаться в одном персонаже (Чэнь Шэнь 1994: 12). Ван Чжигэн в вышеупомянутой статье «Христианская тематика романов Тургенева» также писал, что большинство китайских исследователей считают, что в статье «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев главным образом стремился раскритиковать нерешительность Гамлета и выразить одобрение решимости Дон Кихота к действию. Ван Чжигэн считает, что истинный смысл статьи заключается в раскрытии понимания Тургеневым «действия» Дон Кихота. По мнению исследователя, смешные и, казалось бы, никчемные поступки Дон Кихота являются для Тургенева примером настоящего

героического подвига, поскольку они совершаются героем под руководством веры и служения идеалам, а не светским интересам (Ван Чжигэн 2017:100).

Есть и другое мнение по поводу статьи «Гамлет и Дон-Кихот». Сравнивая различные взгляды русских писателей на творчество Шекспира, научный сотрудник Института литературы Академии общественных наук КНР Ли Цзяньцзунь указал, что понимание двух образов Тургеневым субъективно и не соответствует задумкам Шекспира и Сервантеса (Ли Цзяньцзунь 2016: 77). Однако мы считаем, что Тургенев именно не хотел повторять общепринятых взглядов на Гамлета и Дон Кихота. У Цзяю в своей монографии также провел анализ данной статьи, отметив, что характер самого Тургенева был ближе к Гамлету, а сам писатель был одним из представителей русских «Гамлетов» в 1840-х годах, поэтому он хорошо понимает чувства Гамлета, включая его слабость и боль. Исследователь также отмечает, что Тургенев не был категорически против природы Гамлета, классик высоко ценил способность Гамлета к глубокому самоанализу. Кроме того, Тургенев также с одобрением отмечал богатые знания, гибкость мышления, яркий слог и тонкий вкус Гамлета. У Цзяю считает, что интерпретация Тургенева Гамлета и Дон Кихота имеет глубокий философский смысл, поскольку проанализированные им образы всегда сопровождают человечество, и в каждом человеке смешаны эти два литературных образа (У Цзяю 2012: 87).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный нами анализ демонстрирует, что в последние годы исследование Тургенева-мыслителя в Китае начало приближаться к пониманию сущности и открылось для различных интерпретаций. Вместе с тем, нам также хотелось бы указать на две проблемы, существующие в настоящий момент в области изучения творчества писателя.

Во-первых, сокращение количества исследований творчества писателя. В Китае Тургенева обычно называют одним из трех гигантов русской литературы наряду с Толстым и Достоевским, однако по сравнению с Толстым или Достоевским, популярность Тургенева среди читателей в последние годы значительно снизилась — так же, как и сократилось количество работ, посвященных анализу литературного творчества писателя. В прошлом году отмечалось 200-летие со дня рождения Тургенева, в связи с чем и в России, и во всем мире прошел ряд мероприятий, посвященных писателю. В Китае на юбилейную дату также обратили внимание. В частности, 2-й выпуск 2018 года известного в Китае журнала «Русская литература и искусство» был посвящен Тургеневу, вышло в свет новое собрание сочинений Тургенева в семи томах, а также новые издания автобиографических произведений писателя («Ася», «Первая любовь», «Вешние воды»). Однако масштабных конференций и семинаров проведено не было.

Во-вторых, исследования творчества Тургенева часто стали замыкаться на литературном анализе, не уделяя достаточного внимания философской и общественно-политической проблематике произведений писателя. После решения острых социальных проблем и достижения стабильности в общественной и политической

жизни в Китае наблюдается тенденция интерпретировать произведения Тургенева исключительно с точки зрения художественного мастерства и эстетики. Однако не стоит забывать, что Тургенев известен во всем мире как художник и мыслитель. На наш взгляд, поднимаемые Тургеневым вечные темы человечества, такие как человек и общество, жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть, которые органично интегрированы в художественный мир писателя, продолжают иметь большое значение для современного Китая. Тургенев как писатель и мыслитель нуждается в дальнейшей интерпретации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВАН, ЛИЕ (2006): “Религиозная интерпретация Тургенева”, *Русская литература и искусство*, 3, pp. 45-51.
- ВАН, ЧЖИГЭН (2017): “«Скитание» и «запреты»: христианская тематика романов Тургенева”, *Исследование иностранной литературы*, 4, pp. 92-101.
- ВАН, ЮЙБАО (2009): “Образ «лишнего человека» в перспективе современности: на примере «Рудина»”, *Обзор мировой литературы*, 2, pp. 103-106.
- ДУАНЬ, ХУАЙЦИН (2008): “Страсть и моральное воображение прошлой России: о просветителе Рудине”, *Форум социальных наук (академические комментарии)*, 1, pp. 50-59.
- ЛИ, ЦЗЯНЬЦЗУНЬ (2016): “Восхищение и неправильное прочтение — разные понимания русских писателей на Шекспира”, *Шедевр*, 25, pp. 75-80.
- ЛИНЬ, ЦЗИНХУА (1997): “Образ разночинцев в творчестве Тургенева”, *Обзор иностранной литературы*, 3, pp. 99-106.
- СУНЬ, НАЙСЮ (1988): *Тургенев и Китай. Исследование отношений между китайской и иностранной литературой в XX веке*. Издательство “Сюелинь”, Шанхай.
- У, ЦЗЯЮ (2012): *Философская мысль и литературное творчество Тургенева*. Народное издательство. Пекин.
- ФАН, ПИН (2007): “Установление и разъяснение тайны: переосмысление образа Рудина”, *Вестник Шанхайского педагогического университета (издание философских и социальных наук)*, 1, pp. 116-121.
- ХУ, БИН (1979): “О Базарове и других персонажах: обсуждая с товарищем Лей Чэндэ”, *Исследование иностранной литературы*, 4, pp. 75-78+116.
- ЦЗЯНЬ, ЛИЦУНЬ (1993): “Художественное открытие Тургенева в типах русского Дон Кихота и Гамлета”, *Вестник педагогического института Цзинчжоу*, 1, pp. 5-10.
- ЧЖАН, ЧЖУНФЭН (2001): “О культурном идеализме Тургенева: исходя с романа «Отцов и детей»”, *Вестник университета Нинся (издание гуманитарных и социальных наук)*, 4, pp. 56-60.
- ЧЖУ, СИАНЬШЭН (1999): *Между поэзией и прозой*. Издательство народного образования. Сиань.
- ЧЭНЬ ШЭНЬ (1994): “Предисловие”. В кн.: *Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 тт.*
- Т.11, Хэбейское издательство “Образование”, Шицзячжуан.

BIBLIOGRAPHY

- CHEN, SHEN(1994): "Predislovie". V kn.: *Turgenev I.S. Sobranie sochinenij: V 12 tt. T. 11, Hjebejskoe izdatel'stvo "obrazovanie", Shiczhachzhuan.*
- DUAN, HUIQING (2008): "Strast' i moral'noe voobrazhenie proshloj Rossii: o prosvetitele Rudine", *Forum social'nyh nauk (akademicheskie kommentarii)*, 1, pp. 50-59.
- FANG, PING (2007): Ustanovlenie i raz"jasnenie tajny: povtornoje istolkovanie obraza Rudina", *Vestnik Shanhajskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie filosofskih i social'nyh nauk)*, 1, pp. 116-121.
- HU, BIN (1979): "O Bazarove i drugih personazhah: obsuzhdaja s tovarishhem Lei Chengde", *Issledovanie inostrannoj literatury*, 4, pp. 75-78+116.
- LI, JIANJUN (2016): "Voshishhenie i nepravil'noe prochtenie - raznye ponimaniya russkih pisatelej na Shekspira", *Shedevr*, 25, pp. 75-80.
- LIN, JIANHUA(1997): "Obraz raznochincev v tvorchestve Turgeneva", *Obzor inostrannoj literatury*, 3, pp. 99-106.
- QIAN, LIQUN(1993): "Hudozhestvennoje otkrytie Turgeneva v tipah russkogo Don Kihota i Gamleta", *Vestnik pedagogicheskogo instituta Czinzhou*, 1, pp. 5-10.
- SUN, NAIXIU (1988): *Turgenev i Kitaj. Issledovanie otnoshenij mezhdou kitajskoj i inostrannoj literatury v XX veke.* Izdatel'stvo "Sjuelin", Shanhaj.
- WANG, LIE (2006): "Religioznaya interpretatsiya Turgeneva", *Russkaya literatura i iskusstvo*, 3, pp. 45-51.
- WANG, YUBAO(2009): "Obraz 'lishnego cheloveka' v perspektive sovremennosti: na primere 'Rudina' ", *Obzor mirovoj literatury*, 2, pp. 103-106.
- WANG, ZHIGENG (2017): "'Skitanie' i 'tabu': khristianskaya tematika romanov Turgeneva", *Issledovanie inostrannoj literatury*, 4, pp. 92-101.
- WU, JIAYOU (2012): *Filosofskaja mysl' i literaturnoje tvorchestvo Turgeneva.* Narodnoje izdatel'stvo. Pekin.
- ZHANG, ZHONGFENG (2001): "O kul'turnom idealizme Turgeneva: ishodja s romana 'Otcov i detej' ", *Vestnik universiteta Ninsja (izdanie gumanitarnyh i social'nyh nauk)*, 4, pp. 56-60.
- ZHU, XIANSHEG (1999): *Mezhdou poeziej i prozoy.* Izdatel'stvo narodnogo obrazovanija. Sian'.